

Катерина Молния

ЛИЛЯ И ВОЗДУШНЫЙ ШАРИК

*Старородящая? Мать-одиночка? Брошенка?
Читай эту книгу
и будь выше всех стереотипов.*

Катерина Молния
Лиля и воздушный шарик

«Издательские решения»

Катерина Молния

Лиля и воздушный шарик / Катерина Молния — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988032-1

Главная героиня Лиля живет обыденной жизнью с нелюбимым мужем. Ее серое спокойствие заканчивается, когда муж уходит к ее подруге детства с двумя детьми, а сама Лиля узнает, что беременна. Помимо этого, люди, прознавшие о ее беременности, вдруг начали доверять ей секреты, которые хранили много лет. С чем это связано? Что делать, если ты запуталась и тебе страшно? Любовь и боль пронизывают этот женский роман, связывая три поколения людей, а главными героинями оказываются сразу все женщины.

ISBN 978-5-44-988032-1

© Катерина Молния
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Лиля и воздушный шарик

Катерина Молния

Amar es el más poderoso hechizo para ser amado.

Любить – самое сильное средство, чтобы быть любимым.

Художник Ольга Гребенник

Дизайнер обложки Мария Ведищева

Редактор Наталья Филимонова

Корректор Алексей Леснянский

© Катерина Молния, 2020

© Мария Ведищева, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-8032-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Amar es el más poderoso hechizo para ser amado.

Любить – самое сильное средство, чтобы быть любимым.

Маленькая девочка сидела и плакала. Сморщенная безжизненная резинка валялась у нее под ногами. Некрасивый хвостик, перемотанный грязно-белой ниткой, за которую дергала Лиля, не хотел оживать.

– Купим тебе новый шарик, – успокаивала мама Лилю, от этого девочка рыдала все громче и с завистью смотрела на сильно округлившийся на восьмом месяце живот своей матери. Ей не нужен был другой, ей нужен был этот. Она не понимала, почему шарик мамы, который должен стать ее, Лилиным, братиком, не лопаётся, а ее собственный – лопнул. Несколько дней она запихивала шарик то под кофточку, то под платишко, специально выбирая вещи пообъемнее. Она произвела настоящий фурор, когда неожиданно появилась во дворе, где все дошкольники моментально прервали свои дела на детской площадке и обступили ее шумной толпой. Маленькая девочка вышла из подъезда, важно выпячивая живот, под которым был спрятан плохо надутый воздушный шар.

– Что это там у тебя? – зашумела детвора.

– У меня скоро будет ребеночек, – ответила Лиля, театрально закатив глазки.

Мальчишки начали хихикать, закрывая беззубые рты руками, и хитро переглядываться. Девочки подошли ближе.

– И мама купит мне завтра настоящую коляску, как у нее, – последовал еще один весомый, заключающий аргумент, чтобы все девочки сразу же захотели с ней дружить. Это были волшебные два дня. Дети ухаживали за ней, трогали ее надувной живот. Это странное чудесное обращение друг с другом, когда все знают, что идет игра, но относятся к ней как к реальности. Никому из детей и в голову не пришло спросить, что же там на самом деле спрятано. Это была священная тайна главного игрока. Так часто в детстве бывает – таинство длится недолго. Либо появляется новый игрок с новой, еще более интересной тайной, либо жизненные обстоятельства типа сильного кашля или, не дай бог, перелома конечности кого-то выводят из игры, о которой, впрочем, все так же быстро и забывают.

Лиля два дня не выходила гулять, пока мама не купила ей коляску и нового пупса впридачу. Пупс ей не понравился, она долго катала в маленькой коляске лопнувший шарик, пока родители его не выкинули. Маленькая Лиля долго плакала, пока не сорвала злость на своей крошечной колясочке, долго и ожесточенно ее ломая, с завистью поглядывая на огромный мамин живот. Потом понесла от папы унизительное наказание в виде шлепков по попе за разбитую колясочку и вскоре успокоилась.

Тем временем во дворе уже все забыли про ее интересное положение – все, кроме влюбленного и вечно переживающего за нее Кольки Дорофеева. На игровом поле появилась замена. Рыжей Насте Стомской бабушка подарила винтажные клипсы в форме огромных цветков с лепестками разного цвета и свисающими почти до шеи золотыми цепочками-нитями. Стомская гордо давала мерить клипсы по одной минуте всем девочкам, искренне веря, что это украшения самой принцессы Дианы, про которую она абсолютно ничего еще пока не знала.

...

– Чайлдфри? Что это еще такое? – Родители Лили, как и любые родители, желали своему ребенку самого лучшего, и любые отклонения от их привычного уклада в жизни были равно-

сильны глобальной катастрофе. – Вон, Стомская твоя уже второго родила и бизнес ведет, а ты все боишься.

Лиля недовольно поморщилась после этих слов.

– Ванька-то твой детей не хочет?

Иван, второй мужчина в жизни Лили, с кем отношения длились долго и который все-таки стал ее мужем, был одержим своей работой так же, как она. Новейшие информационные технологии занимали их больше, чем продолжение человеческого рода. Лиля могла часами рассказывать о тонкостях маркетинга, таргетинга и брендинга, а вопросы воспитания детей, женского здоровья ее волновали меньше всего. Иван был такой же. Возможно, лет так десять назад к нему относились бы с презрительной жалостью. Но в наше время хорошие программисты ценятся дорого, а Иван был хорошим программистом, действительно живущим в сети. Желу свою он любил, но вряд ли бы ответил на вопрос, какого цвета у нее глаза. Детей не хотел, считал их обузой, хотя зарабатывал хорошо. Деньги тратил без кайфа, имел два одинаковых свитера, которые сменял один на другой раз в неделю. Бриться и стричься вовремя не получалось, в связи с чем носил прическу, как у жены, именуемую в народе конский хвост, да и вообще со спины их можно было перепутать, если, конечно, его борода не отрастала сверх разумного и не кустилась по бокам его впалых щек.

– Николая твоего тут встретила, идет такой важный, с коляской. Толстый стал, а все такой же весельчак.

Николай бывший парень Лили. «Почему он мой, не понимаю, ну столько лет прошло», – подумала Лиля, а мать все продолжала:

– Идет, мне подмигивает: «У Лилит-то борода еще не выросла?» – говорит.

– Мам... – у Лили уже кончилось терпение. – Ну не хотим мы с Ваней детей, это наше право, в конце концов.

– Да прав Николай, уже и у тебя точно скоро борода отрастет, как у муженька, пока ты в своих чайльдфри будешь играть, – фыркнула еще раз Маргарита Ильинична, которая проработала всю жизнь начальницей общепита и не привыкла лезть за словом в карман.

Лиля вечером, как обычно, поехала на метро к себе домой, на другой конец города. Люди входили и выходили, перемешивались запахами, разглядывали друг друга, толкались, стеснялись, но подземный поток нес каждого в свою сторону, несмотря ни на что. Пестрые молодежные одежды диссонировали с серо-коричневыми тонами скучных взрослых. Иногда заходили элегантно и дорого одетые мужчины и женщины, явно спасаясь от пробок, в которых остались их тоскливо ждать брошенные машины. Их не интересовали пассажиры, они смотрели на дорогие часы, и у них были такие лица, будто они, нырнув в подземку и задержав дыхание, до сих пор не дышали и просчитывали – хватит ли им времени продержаться без отравленного в этом мире кислорода? В вагон зашла беременная девушка. Лиля сидела с краю. Свободных мест не было. Рядом с Лилей сидела и не дышала женщина из другого мира, хмуро уставившись в экран телефона. Напротив расположилась длинная линейка судачащих бабушек, из авосек которых выглядывали неизвестные Лиле саженцы и зелень. Ей пришлось встать и уступить беременной место. Девушка с благодарностью присела. Джинсовая незастегнутая куртка распахнулась еще больше, приоткрыв обтянутый белой майкой огромный живот. Лиле вдруг стала плохо. Она смотрела на живот и чувствовала подкатывающую тошноту, саженцы начали источать невыносимый запах, и все это вместе заставило Лилю пулей вылететь в открывшиеся двери поезда. Тошноту она сдержать не успела.

Зареванная, красная от стыда Лиля еле доехала до дома. Мужа не было, отправив ему сообщение, что легла спать, она зарылась в одеяло, проклиная вонючую подземку.

– Может, ты отравилась чем у мамы? – на следующее утро Иван, задумчиво жуя бутерброд, высказывал свои предположения по поводу недомогания жены.

– Позвоню, спрошу, как родители себя чувствуют. – Бутерброд, из которого торчал лист салата, наваял Лиле воспоминания о вчерашних бабушках. Она неожиданно подскочила и пулей полетела в туалет, откуда и позвонила маме. Мама что-то долго кричала в трубку, что все живы-здоровы, что-то про ненавистное ей выражение «чайлдфри», сыпала какими-то медицинскими терминами, взывая к разуму своей дочери. Лилия уже ее не слушала. Фраза «Пооди купи тест» перекрыла доступ любым другим мыслям в ее голову.

Побледневшая, она сидела на кровати и смотрела на мужа, изо рта которого противно торчал кусок зелени. Она решила пойти в аптеку сама. Иван уже принадлежал своему ноутбуку, недомогание жены ему не бросилось в глаза, впрочем, как обычно. Сам он болел редко, ухода за собой не требовал, да и отдачи от него никакой не было. «Ни рыба ни мясо» называла его теща. Лилию же это устраивало. Он никогда с ней не соперничал, не доминировал, не слишком интересовался ей, в отличие от бывшего, не ущемлял Лилины права. Она не потеряла той свободы, которая была до свадьбы. И наивно полагала, что в этом и есть секрет счастливой семейной жизни.

Мягко проскользнув в дверь, она побежала в аптеку. Светло-коричневые новостройки с цветными вкраплениями словно насторожились, уставившись на нее со всех сторон глазами новейших стеклопакетов. Огибая понаставленные машины, перекрывающие любые свободные пространства по обочинам дороги, она шла, жадно ловя весенний свежий воздух, который случайно прорвался сквозь гигантские многоэтажные преграды, пощекотать людям легкие. Вывески сменялись одна за другой, пока наконец не показался долгожданный зеленый крест. Она зашла в аптеку и медленно двинулась от витрины к витрине, разыскивая глазами нужную, но совершенно неизвестную ей коробочку.

– Я могу вам помочь? – женский голос фармацевта раздался из-за заставленного стеклянного стенда.

– Да, пожалуй, – Лилия просунула голову в окошко и полупшепотом продолжила: – Дайте мне какой-нибудь тест.

– Вам подороже, подешевле?

– Подешевле, – быстро ответила Лилия. – То есть нет, давайте дороже. – Позади нее уже собиралась очередь. – Возьму оба, – наконец решила она и, быстро забрав пакетик, не оглядываясь вышла.

Она чувствовала себя странно. Ей было страшно идти домой. Как нашкодившая девчонка, мелкими шажочками она семенила назад по пыльному асфальту. С надеждой, что мама ошиблась, Лилия вошла в квартиру и заперлась в туалете. Иван прирос к монитору и ничего не замечал. Лилия, чертыхаясь, всматривалась в инструкцию, чтобы понять результат. На белой палочке явно обозначились две полоски, и объяснение в инструкции по использованию теста черным по белому сообщало, что это то самое «да». Да, мама не ошиблась. Размер бедствия переходил все допустимые пределы. Лилия вдруг впервые не могла понять, что ей делать. Выйти из туалета? Сказать мужу? Позвонить маме? Остаться тут, пока Иван не начнет стучать и ругаться, если вдруг приспичит ему? А потом что? Убежать? Лечь на кровать? Плакать? Радоваться? А вдруг это нерадостная новость? Иван же не хочет детей, да и она сама не готова. Какие дети? Она же принадлежит к здравомыслящим женщинам, живущим ради себя и своей карьеры.

– Ты там застряла, что ли? – Иван моргал светом: то включал, то выключал, заставляя Лилию выйти из туалета.

Лилия молча вышла, Иван изумленно на нее покосился. На его бороде снова висел кусочек зеленого салата, как попугай, запутавшийся в дремучем кустарнике. Лилия попыталась представить его отцом. Что он, как располневший Колька, гордо вышагивает около коляски, потом радостно наклоняется к малышу, громко улюлюкая. В этот момент из его бороды начинают

вываливаться куски салата, колбаса и даже бутылка из-под пива. Лиля зажмурилась, опять подступила тошнота.

– Это невозможно, – громко сказала она себе и, прихватив сумку, вышла из дома.

Она дошла до метро и вдруг, вспомнив вчерашнюю поездку, развернулась назад. Торговый центр, сквер, притаившаяся маленькая деревянная часовня напротив соседнего выхода из метро. Деревья стояли уже цветущими. Странно, весна уже наступила, а Лиля не чувствовала радости. Она вспомнила, как в детстве ждала весны и, едва улавливала ее запах, родители не могли загнать ее домой. Даже если было еще очень холодно. Она с детворой часто гуляла на школьном дворе, где наполовину растаявший каток на футбольном поле никак не желал прощаться с зимой. Дети помогали ему, разбивая подтаявший, но еще толстый лед кто чем. Кто-то топтал резиновыми сапожками, кто-то колотил его палкой. В итоге лед всегда сдавался. Его глыбы разваливались на ничего не представляющие из себя серые кусочки льда и таяли. Мокрых, продрогших детей вечером загоняли домой и всегда ругали. Но не сильно. Весну чувствовали и родители, и они не могли злиться на своих чад. «Откуда, интересно, мы знаем, как пахнут времена года?» – подумала вдруг Лиля. Ее глаза вдруг выхватили светящуюся вывеску крупного медцентра, располагавшегося в высотке около метро. Она моментально вернулась в реальность и направилась напрямик туда.

– Могу я записаться на прием к гинекологу? – голос Лили подрагивал.

– Доктор сейчас свободна, если хотите...

– Да, хочю, – оборвала администратора Лиля. Она уже сняла курточку и готова была идти в кабинет.

Не глядя подписав какие-то бумажки на оказание платных медицинских услуг, она отдала ручку и уселась ждать в мягкое кожаное кресло. Внезапно начал вибрировать ее мобильный. Лиля залезла в сумку, достала телефон и с удивлением взглядывалась в определившийся номер. Она была уверена, что звонит мама, возможно, это мог бы быть и проголодавшийся муж, Лиля вдруг вспомнила, что в связи со своими переживаниями забыла сходить в магазин. Но звонил ее бывший.

– Коля? – она с удивлением ответила на звонок.

– Лилит, привет, надеюсь, я тебя не побеспокоил, – голос Николая звучал встревоженно.

Они перезванивались раз или два в год, обычно поздравляя друг друга с днем рождения с разницей в один день. Лиля была старше него ровно на сутки. Они часто смеялись над этим, и Николай как-то сказал в порыве чувств, что мама ждала его появления на свет чуть позже, но Лиля родилась и позвала его.

– Лилит, я просто звоню узнать, все ли у тебя в порядке?

Она вдруг представила, как он ей звонит, будто увидев его в сером уютном свитере, надевшем на спортивное тело. Впрочем, и серый свитер, и спортивное тело остались в далеком прошлом.

– Мне такой сон приснился странный, – продолжал Коля, – будто я иду где-то в другом городе и слышу твой голос. Ты зовешь меня и так громко, – он замолчал.

Молчала и Лиля.

– Ты же знаешь, я не могу не прийти, если ты зовешь, – Коля громко выдохнул в трубку, закончив свою речь. Где-то далеко надрывно плакал ребенок. Сердце Лили странно сжалось, ей самой захотелось плакать.

– Все в порядке, Коля, – голос прозвучал сухо. Сдавивший горло ком не дал воздуху красиво облачиться в слова.

– Как у тебя дела?

– Я сейчас занята, давай созвонимся позднее. – В коридоре уже появилась медсестра, явно вышедшая за ней.

– Хорошо, – вздохнул Коля. – Ну ты же помнишь, если что... Только позови, я приду на помощь.

Лиля нажала отбой.

Доктор, женщина средних лет в очках с дорогой оправой, сидела и смотрела на Лилю. Та рассказала ей о двух полосках и о желании избавиться от нежелательной беременности как можно скорее.

– Вам тридцать семь лет, вы знаете, сколько женщин вашего возраста хотели бы оказаться сейчас на вашем месте?

– Я другая, понимаете, ну... то есть мне не нужен ребенок.

– А ваш муж, он знает? – Лиля пожалала плечами и ничего не ответила.

Доктор сняла очки и отложила какие-то бумажки.

– В любом случае мне надо вас осмотреть, сдать анализы, узнать, на каком вы сроке, а потом будем дальше решать.

– Я уже все решила, – повторила Лиля с упорством девятилетней девочки.

– Да, но все-таки создали вы его не одна.

Женщина улыбнулась и быстро, не дав Лиле ответить, попросила ее раздеться.

За анализами надо было прийти завтра. Она вышла из клиники немного злая, что доктор сразу ей не помогла решить это недоразумение. В воздухе чувствовалось что-то инородное. Казалось, всех детей округи вывели погулять в один момент. Мама везли карапузов в колясках, несли на руках, катили на велосипедах с ручками. Лиле захотелось даже спрятаться за ближайшее дерево, когда мимо проехала сдвоенная коляска, откуда на нее пристально уставились две пары одинаковых глаз. Две девочки в розовых шапочках держали в руках одинаковых больших кукол. У одной внезапно кукла выскользнула из рук, упав прямо под ноги Лили, и из коляски раздался оглушительный рев. Лиля бережно подняла и протянула мягкую куклу малышке. Та вцепилась одной ручонкой в игрушку, другой крепко обхватила Лилин палец и улыбалась беззубым ртом.

– Не надо, – вдруг донесся до Лили голос мамы близняшек.

– Что, простите? – Лиля вдруг испугалась и резко выпрямилась, встретившись глазами с молодой женщиной.

– Она очень рада, спасибо, – повторила та еще раз.

Лиля зашла в квартиру. Ивана не было. Дома было прибрано. На столе лежал свежий батон хлеба и яблоки. Муж, видимо, сам сходил в магазин и навел порядок. Уходил он, похоже, в спешке. Его полуприкрытый ноутбук почти зарылся в плед и задыхался под ним. Такого Лиля вытерпеть не могла и пошла извлекать любимый гаджет мужа.

На экране ноутбука еще что-то мигало, она то ли из любопытства, то ли машинально открыла его и глянула на экран. «Хочу тебя», – было первым, что бросилось ей в глаза. Она дернулась. «Приезжай, если жена не заперла», – сообщение было сдобрено многочисленными смайлами, от которых у Лили зарябило в глазах. «Она приболела, наверное, уехала к родителям, так что жди, моя конфетуля». «Конфетуля» ничего не ответила, видно, пошла собираться к приходу чужого мужа.

Он никогда после свадьбы не говорил ей, что хочет ее, не называл ее конфетой или сладкой. Изредка они веселились, после пары лет брака страсть пропала совсем. Им было удобно друг с другом. Лиля наивно полагала, что это основа любых семейных отношений, а не любовь и секс. Они уже не в том возрасте, а партнерские отношения двух взрослых людей с похожими интересами ей казались намного прочнее. Но, оказывается, ее муж не разделял этого мнения, к которому она так долго шла.

Она заплакала. Схватив хлеб, она откусывала огромные куски и, обливаясь слезами, почти не жуя, глотала их. Хлеб был вкусный, как в детстве. Мягкое, будто сыроватое тесто успокоило ее.

Пережитый день перечеркнул ее прошлую жизнь и навалился тяжелой ношей. Едва коснувшись головой подушки, она провалилась в тревожный, но глубокой сон.

Ей снилась свадьба. Она тогда работала в фирме, где занимались разработкой приложений для смартфонов, где и встретила Ивана два года назад. Одиноким чудиком (на два года старше Лили) был неразговорчив, но скоро они нашли общий язык. Оба жили одни, пары давно не было, считали любовь юношеским безумием и всецело отдавались работе.

Как-то, гуляя и обсуждая сетевую жизнь, Ваня предложил вина. Купив бутылку, они распили ее прямо в сквере неподалеку от магазина, и тут Иван вдруг прижал ее к себе и поцеловал. Его щетина кололась, Лиля смеялась, отвечая на поцелуй, а ее руки тем временем блуждали по поджарому телу ее спутника, будто призывая его к более активным действиям. Проснулись они оба у него дома. Лиля почему-то встала и приготовила яичницу. Через два месяца Лиля вскользь обмолвилась о том, что неплохо было бы и пожениться, гостевой брак – дело гиблое. Мамины слова, которые Лиля почти бездумно повторила, достигли цели. Иван сделал ей предложение, сказав, что влюбился в ее яичницу и больше не хочет с ней расставаться. Лиля для начала решила подумать. Думала недолго, тридцать пять лет, детей не хочет, любить не может, после Кольки как-то совсем это чувство выгорело, кому еще такая нужна? Да и ей было, как ни крути, тоскливо без мужского плеча.

Свадьба была веселая. Пьяная. Может, не как у принцессы, да и какая она принцесса, всю свою жизнь в кедах и проходила. Даже под платье кеды надела, как студентка. Мама ругалась тогда сильно, бегала за ней, как за Золушкой, пытаясь всучить какие-то туфли.

А потом Лиля вспомнила, что забыла дома свой шарик.

– Мама, где мой воздушный шар? – вдруг закричала она громко, ощупывая живот.

Гости замолчали, в ресторане наступила гробовая тишина.

– Я же выкинула его, на вот, возьми пупса.

– Мне не нужен пупс, верни мне мой шарик, – Лиля вскочила и побежала.

Она мчалась домой, хотела порыться в мусорном ведре, но ноги стали будто ватными и еле отрывались от земли. Голова гудела, тело не слушалось до тех пор, пока гул не стал невыносимым и не вынес ее из тяжелого сновиденья.

Она открыла глаза. Было еще темно. Рядом сильно храпел Иван. От него пахло спиртным, Лиля поморщилась и опять, едва сдержавшись, побежала в туалет.

...

– Нет, мам, я не беременная.

Мама громко выдохнула, то ли с облегчением, то ли от расстройства.

– Ладно, все равно сходи к врачу. Или приезжай к нам, вместе ходим.

Лиля ее почти не слушала, собираясь в клинику, она параллельно пряталась от мира, населенного детьми. Они все были против нее. Они наступали отовсюду. С экранов телевизоров неслась реклама подгузников и бутылочек, по радио попадались песни для малышек, интернет пестрил всплывающими окнами с рекламой детской одежды, колясок, пустышек. Всего, чего угодно, чтоб еще больше разозлить и расстроить Лилю. Нашествие малышек было столь безжалостным, что Лиля не только ничего не сказала мужу, но и практически забыла про тот факт, что у него есть другая.

Доктор поправила очки, сверкнув крупным бриллиантом на обручальном кольце.

– У вас уже почти восемь недель, анализы замечательные.

– Сколько-сколько? – Неужели она не понимала этого уже целых два месяца?

Врач, будто прочитав ее мысли, улыбнулась:

– Кажется, вы не замечали отсутствия критических дней.

– Да, – хмыкнула Лиля. – Я уже давно не веду дневник, но два месяца...

– Медикаментозный метод, как вы хотели, делать уже поздно, остальные методы травматичны и опасны для вашего здоровья, – женщина вдруг утратила суровый вид и приспустила очки. – Рожать вам надо, милочка.

Мальши с картинок и фотографий, висящих на стене в кабинете доктора, вдруг ожили и, подлетев к Лиле, закружили вокруг нее хоровод.

«Травмоопасно», «риски», «не сможете иметь детей», «удаление плодного яйца», «выскабливание» – страшные слова доносились до Лили, малыши кружились вокруг нее все быстрее, пока Лиля не потеряла сознание.

Она очнулась, рефлексивно схватив медсестру за руку с ваткой с нестерпимым запахом нашатыря.

– Доктор, мне все равно, опасно это или нет, я не хочу иметь детей, они мне не нужны.

– Подумайте о том, что в вас уже зарождается жизнь, у вас чудесная, здоровая беременность и противопоказания для ее прерывания. Наша клиника не возьмет на себя такой риск за пациентку, – доктор опять приспустила очки и снова посмотрела на нее, в этот раз более серьезно.

Лиля медленно вышла. В одной руке заботливо отданная медсестрой ватка с нашатырём, в другой – бумажки с анализами и результатами УЗИ, которые трепетали в руке, как распутившиеся листья, вернувшие деревья к новой жизни. Она достала мобильный телефон с нестерпимым желанием залезть в интернет и найти более сговорчивого врача. Внезапно на экране высветился незнакомый номер.

– Алло? – голос незнакомой девушки был встревожен. – Это Лиля?

– Да... – На секунду ей показалось, что это звонит любовница ее мужа, ее ладошки вспотели, в голове молниеносно развернулся неприятный разговор двух соперниц.

– Это жена Николая Дорофеева, – голос женщины задрожал. – Мы... мы не знакомы, я знаю, что он ваш друг, он... простите, что вас беспокою, я понимаю, все в прошлом...

– Что-то случилось? – перебила ее Лиля.

– Он в тяжелом состоянии, был в реанимации, приходил в сознание и звал вас. Авария.

Лиля медленно поднесла к носу ватку, потерявшую уже столь резкий запах, но все же помогающую выйти из полубоморочного состояния.

– В какой больнице? – она с трудом узнала свой сдавленный голос. Он же недавно звонил, интересовался, как у нее дела, шутил, как всегда, а тут его жена звонит и рассказывает про страшную аварию.

Коля вышел в магазин и возвращался обратно. На пешеходном переходе его сбила машина. Множественные переломы, черепно-мозговая травма. Скорая приехала вовремя. Проехавшись по человеку, автомобиль поменял траекторию движения и внезапно остановился, врезавшись в припаркованную газель. У водителя случился сердечный приступ.

...

Прошло три недели. Дома было тихо. Казалось, даже единственное растение в квартире – розовая герань, подаренная мужем на 8 марта, перестала радоваться наступающему лету и замедлила свой рост. Иван так же молчаливо работал, из дома выходил только в офис и в магазин. Он явно либо понял, что жена обнаружила переписку, либо выжидал подходящего момента, чтобы сообщить, что уходит.

Момент был неподходящий. Жена вела себя странно, болела, да тут еще этот Колька, угодивший в больницу. Лиля ездила к нему два раза в неделю, помогая тем самым Колькиной жене, возившейся с грудничком. Поиски врача были приостановлены. «Да и месяцем позже, месяцем раньше, какая разница», – думала Лиля. Чувствовала она себя лучше. «Не нужен мне ни ребенок, ни муж». Она приняла решение, и, казалось, ничто не могло его изменить.

Коля пришел в себя, был удивлен и рад, что Лилит приезжает его навестить. Было что-то в ней странное, и ему показалось, что ее глаза будто поменяли оттенок.

– Ты что, носишь линзы? – он смотрел на подругу из своего детства внимательно. Все то же самое: кеды, джинсовка, не поменялись с возрастом растрепанные вечно волосы, движения только стали не такие, как были, когда они встречались, а какие-то плавные, округлые.

– Нет, с чего ты взял? – Лиля легко массировала опухшие кончики пальцев на подвешенной, загипсованной ноге своего друга. Она отметила, как тот осунулся, практически вернувшись в студенческий вес.

Николай продолжал смотреть на Лилю. Она определенно изменилась. Глаза были уже не синими, а голубыми, будто посветлели вместе с удлинившимся днем.

Коля вдруг закрыл глаза. Ему вспомнился тот день, залитая солнцем детская площадка. Девочку его мечты наконец выпустили гулять. Все ребята на площадке играли в какую-то увлекательную игру, какую вот, он не помнил, лишь взъерошенный пухлый мальчик не играл, а краем глаза наблюдал за подъездом, в котором жила маленькая Лиля. Она наконец появилась. Колька первым бросился к ней и заметил, что что-то не так. Лилька шла, как хромая гусыня. На полусогнутых ногах, почему-то охая и ахая, она трогательно держалась одной рукой за поясицу, второй обхватывала огромный выпирающий живот. Что там было, ребятам не было известно. Пока Лилька шепеляво рассказывала про заботы материнства и ожидавшую ее коляску, он смотрел в ее огромные голубые глаза. Такой цвет он не мог описать. Колька, родившийся у кареглазых мамы и папы, как замороженный смотрел в эти два небесных огонька, таких необычных для него.

Говорят, у тех, кто был на волосок от смерти, открывается третий глаз. Коля вдруг будто очнулся, уставился на Лилю и хрипло произнес:

– Ты беременная?

– Что? – Лиля опешила, бессознательно схватившись за живот.

– Вот почему ты звала меня тогда, во сне, – Коля со стоном откинулся назад на подушку. – Почему ты мне не сказала?

– Я никому не сказала.

– А как же Иван?

– Нашему браку конец. Мне повезло меньше, чем тебе с Дашей.

– Лилит, ты не понимаешь, дети, они не просто так появляются. Мы с Дашей очень долго этого ждали, просили, молили, прошли лечение.

Лиля махала рукой, прося Николая замолчать, но тот не умолкал.

– А потом, когда мы отчаялись, мы начали звать, и наша дочка пришла к нам, понимаешь, что это значит? Ты позвала своего ребенка!

– Позвала? – Лиля усмехнулась. – Нет, Дорофеев, это не так, это я тебя могу позвать, да и то – могла.

– Глупая ты.

Лиля обиженно замолчала, с больным особо не поспоришь, и начала собираться домой.

...

Разговор, давно уже созревший, готов был уже взорваться, как растение-недотрога, разбрасывающее свои семена при малейшем прикосновении.

Лиля вошла домой. На столе, как обычно, кипел чайник. Заядлые кофеманы, они с мужем могли не есть, когда были увлечены работой, но чашка горячего кофе обязательно должна была стоять рядом.

– Была у Коли, как он?

– Живой.

Лиля сбросила сумку-рюкзак, медленно разулась, отметив, что Иван приобрел себе новые кроссовки. С каким-то отвращением задвинула любимые кеды в темный угол коридора и зашла в комнату. Муж сидел, отвернувшись от компьютера. Занавески на окнах были распахнуты, пробивающийся свет освещал летающие в воздухе частички пыли. Кое-где пыль лежала и на рабочем столе, где стоял компьютер Ивана, но заметнее были те места, где пыль отсутствовала, обнажив деревянное покрытие стола. Куча кабелей, хард-дисков и книжек была убрана. Лиля уловила это сразу. Она взглянула на мужа. Давно она его не разглядывала. Последний месяц они жили как соседи. Она сама не шла на контакт, он не умел. Или не хотел. Она вдруг увидела, как он изменился: борода была подстрижена, немного поседевшие волосы, чистые и блестящие, тоже стали короче. Вместо вытянутой, без определенного цвета домашней майки, в какой он обычно работал дома, на нем была надета новая белая футболка, подчеркивающая подтянутое тело, как у юного мальчика. Она могла бы догадаться и так. Раньше, чем залезла в его переписку.

– Нам надо поговорить.

Лиля подошла к столу и взяла яблоко.

– Давай.

Иван смотрел, как ее большие белые зубы вгрызаются в яблоко и как летят брызги сока, наполняя комнату приятным ароматом. Он вдруг подумал про Настю, суetyающуюся на кухне. У нее дома всегда пахло медом и котлетками, которые так любили дети и он. Почему медом? Он не знал. Может, потому, что Настя была теплая и уютная. И сладкая как мед, который так любил в детстве Иван.

– И кто она? – Лиля понимала, что муж просто так сам не расскажет, не сможет, даже если захочет. Такой он человек нерешительный. Хотя... Она вспомнила его решительность в той переписке. Наверное, она его плохо знает.

– Лиля, давай расстанемся на время.

Раздался оглушительный хруст – Лиля откусила очередной кусок яблока.

– На время? Ну так кто она? – повторила она еще раз.

Иван молча поежился.

– Ну чего молчишь? Ты же сам захотел поговорить, – последнее слово она произнесла с надрывом.

Иван смотрел на свою жену, такую близкую и такую далекую. Совсем недавно они смотрели в одну сторону, как ему казалось. Карьера и ничего лишнего. Лиля, подкованная в айти-технологиях покруче любого хакера, лучший программист компании. Казалось – идеальный союз. Бардак и крошки в постели, где они чаще обсуждали работу, чем спали или предавались любовной неге. Любовной... мысли опять улетели к Насте. Она со своей располневшей фигурой никак не могла сравниться с худощавой женой с ее плоским животом. Живот его любовницы после двух беременностей был, может, и неспортивный, но такой мягкий и уютный. От него пылало жаром, когда Иван прикасался к ней. И этот жар он полюбил с неистовой силой. Она готовила обеды и ужины. И при этом эта женщина не была домохозяйкой, у нее был успешный бизнес магазинов нижнего белья.

– Кто она? – повторила вопрос Лиля. – Ты уходишь к ней?

– Да, – кивнул муж. – Я ухожу к ней. Ты ее знаешь. Это Настя, – он почти прошептал это имя.

Огрызок яблока выскользнул из руки Лили, шлепнулся на ламинированный пол и закатился под светлую тумбочку, загроможденную современными книжками.

– Стомская? – вырвалось у нее.

Так вот кто эта «Конфетуля»! Ее бывшая подружка-одноклассница. Толстая, с двумя детьми. Стомскую бросил кубинец-муж, укатив на родину с малолетней любовницей. Впрочем, еще тот был альфонс и до этого странного брака.

Лиля ошарашенно смотрела на мужа. Странно, она не чувствовала ревности. В детстве они не были соперницами. Толстая рыжая Стомская, у которой родители были челноками и уже в те времена возили товар из Китая, перепродавая его втридорога в Москве. Тогда она, конечно, была одета лучше всех. Это было единственной причиной, по которой все с ней дружили. В восьмом классе она ходила с железными брекетами на зубах, из-за чего сильно нервничала, плюс есть было неудобно – еда застревала в железных скобах, и Настя сильно похудела, за что была прозвана «Дон Кихотом». Это прозвище держалось два года, пока брекеты не сняли и Стомская опять на радостях не поправилась.

Впрочем, их пути уже разошлись. Настя пошла по стопам родителей. Торговля была у нее в крови, и она поступила в международный торговый университет. Лиля, еще учась в начальной школе, мечтала быть учителем, как ее обожаемая первая учительница Ольга Николаевна. Ольга Николаевна всегда с ярким макияжем, белыми волосами и прической в стиле Мэрилин Монро была больше похожа на звезду мыльной оперы, чем на учителя младших классов. По большей части из-за нее Лиля и хотела поступить в педагогический, но ее мать, насмотревшись на подруг, всю жизнь проработавших воспитателями в детских садах, отговорила ее. Лиля была девочкой неглупой, да и у родителей были кое-какие связи. Так что ее отправили в престижный физико-математический институт, откуда она и выпустилась с современной профессией, хорошо ее обеспечивающей, на радость матери. Мечты о преподавании улетучились, как и мечты об актерской карьере, посетившие ее уже в юности. Позже новая идеология чайлдфри, вдруг захватившая ее мысли, и вовсе отправила эти далекие воспоминания в мусорную корзину, располагавшуюся где-то на задворках ее памяти.

– У нее же двое детей, – вскрикнула Лиля, вспомнив, что недавно муж говорил о том, что дети бы его напугали.

– Да, у нее двое чудесных детей, и они совсем не мешают, – Иван вдруг повысил голос. – Я хочу семью, мне надоело жить с компьютером. Лиля, будем честны, мы живем как соседи, наверное, мы выросли из этого, – он опустил голову.

– Мы же решили, что не хотим детей... – Лиля, привыкшая держать все под контролем, вдруг почувствовала, что муж вышел из ее игры.

– Этот разговор был год назад, я не знаю, как тебе объяснить... Я изменился, ты по-прежнему мой близкий человек, но...

Год назад? Странно. Год пролетел незаметно. Да что тут говорить, последние двенадцать недель мелькнули в одну секунду, и вот она разговаривает со своим мужем, который хочет уйти к почти что многодетной подруге беременной жены? На мгновение она поняла, что должна рассказать ему, что у них будет семья, что она находится в положении. Что у него будет свой ребенок и они справятся. Лиля научится готовить, это не так уж и сложно. Работать она может удаленно, а потом... А потом они могут найти няню, которая помогала бы по хозяйству, это тоже им вполне по карману.

Она смотрела на Ивана, который виновато ходил по квартире и собирал вещи. Закусив губу, она застыла. Семейный быт с треском разваливался на ее глазах, а она, человек, который мог бы все наладить, просто сидела и молчала.

Иван, подсобрав необходимые вещи в большую спортивную сумку, подошел наконец к ней, присел на корточки, взял ее руку и тихо сказал:

– Давай разведемся?

Лиля пожала плечами и кивнула.

Он еще раз заискивающе на нее взглянул. Лиля сидела с каменным лицом, в котором не угадывалась боль или разочарование. Казалось, что все так и должно было быть. Как он и думал, удерживать она его не захотела.

– Я напишу, – сказал Иван и хлопнул дверью.

Лиля опустила на четвереньки, залезла рукой под тумбочку и достала оброненный огрызок яблока. Его толстым слоем облепила пыль, волосы, какие-то крошки. Лиля вспомнила, что и правда давно не убиралась дома. Сначала это дурацкое состояние, потом несчастный Коля, попавший в аварию. Она закрутилась, Иван убираться не любил, да и ему было некогда, и маленькое двухкомнатное жилье заросло грязью. Лиля достала большое зеленое ведро, плеснула туда жидкость для мытья полов и начала с остервенением драить квартиру, понимая, что тянуть больше нельзя и ей срочно надо делать аборт.

Глава 2

Звонок в дверь не застал Настю Стомскую врасплох. Ее старшему сыну было уже семь с половиной, у него было много друзей, которые жили в этом же подъезде, насчитывающем огромное количество квартир. Так что они частенько заходили то к нему в гости, то забрать его с собой на прогулку. Неиссякаемое обаяние досталось ему от отца. Весельчак со жгуче-черными кудрявыми волосами и огромными темными глазами, старший сын Насти и Альберто был любимцем всего двора. Его наполовину кубинская кровь бурлила в нем кипящей рекой, порой доставляя матери немало проблем. Мигеля любили все, и он тоже всех любил, но ему определенно нужен был отец. Об этом в очередной раз думала его мать, когда шла открывать дверь, думая, что звонят друзья мальчика. На пороге стоял Иван. Настя окинула его взглядом и увидела в руках плотно набитую спортивную сумку. Она молча отступила от двери и позволила ему войти.

– Я пришел, – просто сказал Иван.

– Я вижу, – Настя широко улыбнулась и обняла его.

Иван моментально растаял в ее объятиях. Он мгновенно забыл, как шел, считая шаги из совместной с Лилей квартиры, как заставил сесть себя в машину. А потом долго смотрел на окно шестого этажа, думая, что вот-вот штора отодвинется чуть дальше и Лиля выглянет. Потом он перестал смотреть на окно и смотрел в зеркало заднего вида на дверь подъезда. Ему казалось, что дверь распахивается и его жена в кедах на босу ногу, с наполовину завязанными шнурками, которые развеваются от движений, выбегает к нему и забирает его назад. Но Лиля так и не показалась, а Иван медленно поехал к той, кому он был так нужен.

Настя сидела и слушала его. Она не понимала, как себя чувствовать. То ли тварью, уведший из семьи мужа, то ли счастливой женщиной, которая наконец воссоединилась с любящим ее мужчиной, покинувшим не любившую его женщину. Было ли ей стыдно? Сложно сказать. Женщине, одной растившей двух сыновей, которую бросил муж с грудничком на руках, когда в стране был очередной кризис? Стоило ли ей думать о чувствах бывшей одноклассницы? Мужчина, пришедший к ней, сидел и с благоговением ел наваристый борщ вместе с ее младшим сыном. И он был счастлив, как и она, – вот о чем она думала. Ей казалось, что они знают друг друга давным-давно.

А ведь прошло три месяца. Точнее, два года и три месяца, как она познакомилась с Иваном на его свадьбе с ее подругой, и два месяца, как они узнали друг друга в ином свете.

Это было странная встреча. Иван тогда заезжал к матери Лили, жившей в соседнем подъезде, чтоб передать гостинцы от дочери, а Настя как раз подъехала и парковала машину. Погода была жуткой. Весна все не могла разгуляться, уличный ветер сдувал шапки и пытался даже выдрать волосы, когда Настя возвращалась из магазина. Дети болели, даже всегда улыбающийся Мигель был невесел. Схватив в охапку несколько огромных пакетов, набитых провизией, она всучила Мигелю младшего брата, пикнула сигнализацией от машины, и они пошли к подъезду. Ветер решил над ней посмеяться и дунул с такой силой, что один пакет не выдержал и его содержимое оказалось на асфальте. Настя охнула. Она беспомощно смотрела на мандарины, радостно катящиеся по двору, обгоняя коробки с овсяными хлопьями для детей, и медленно разливающееся красное вино, которое Настя прикупила для себя. Это все видел Иван и поспешил на помощь. Он, конечно же, узнал одноклассницу и подругу жену и, выхватив тяжелые пакеты из ее рук, ловко собрал все мандарины и еще не разлетевшуюся провизию.

– Вино спасти не удалось, – констатировал он и мотнул головой в сторону подъезда. – Пошли, донесу.

– Ничего, у меня есть еще, спасибо, Вань, – ответила уставшая женщина, и они пошли.

В знак благодарности она предложила ему выпить чая с уцелевшим тортиком. Ивану было неудобно. Нелюдимый интроверт, он хотел по-быстрому сбежать, но тут на помощь матери пришел Мигель и, вцепившись Ивану в рукав, начал тащить его в свою комнату, чтоб показать новую игрушку. Пришлось задержаться.

Потом они сидели на уютной кухне. Квартира у Насти была огромной, но в ней царил невиданный для Ивана чистота. Настя расспрашивала про его семейную жизнь, Иван отвечал неохотно. Какая семейная жизнь? Муж да жена, одно название и осталось от семейного союза.

Потом вдруг на столе появилась бутылка вина. Иван не возражал. Подпростывшие дети забылись сном, а они все сидели друг напротив друга, и каждый рассказывал, что его тревожит. Возраст, начавшиеся болезни, трудности быта, отсутствие желания чего-то нового, да и вообще желания уже не те, что в двадцать лет. Пышный бюст Насти вдруг напомнил Ивану про те самые пылкие желания юности. Она сама себе подливала вино, щебеча о том, как в детстве они с Лилькой играли в песочнице и какой та была вредной в школе. Ее лицо покраснело, кучерявые рыже-каштановые волосы потеряли свою форму еще на улице, она была такой живой, такой близкой и такой желанной, что Иван поднялся, обхватил ее щеки своими тонкими длинными пальцами и начал целовать. Она привстала. Тонкий запах лаванды пьянил его еще больше. Он зарывался лицом в ее волосы, целовал ее грудь, врезался в ее округлые бедра со страстью молодого бычка. Она хотела его не меньше. Изголодавшаяся, она ласкала губами его тело, уже стаскивая с него толстовку.

В тот вечер все закончилось быстро, но оказалось, что все только началось. Его ждала она сама, ее ждали и звали ее дети. И он наконец появился там, где был нужен.

Иван вернулся в тот вечер пьяный, с ужасными угрызениями совести. Приехал на такси. Было поздно, машину он оставил около дома Лилиной мамы и Насти. Жена еще работала, ее компания внедряла новый интерфейс на один крупный иностранный сайт, и ей надо было что-то перепроверить дома.

Он проснулся, когда она тихонько забиралась в кровать. В темноте Иван нащупал жену и начал стягивать с нее футболку. Она не хотела. Он настойчиво продолжал ее гладить и раздевать. Его руки еще помнили пылкую отдачу Насти, но Лиля была холодна. Его ласки ей не нравились. Она не отвечала взаимностью. Стоны ее подруги детства еще будоражили воображение Ивана. Чувство вины давило на него, он хотел его отбросить, как жаркое одеяло, сделав для жены что-то приятное. Но Лиля лежала тихо. Она чувствовала слабый запах вина от мужа и мечтала о том, чтобы он быстро закончил и опять заснул.

Так и получилось, Иван провалился в сон. Лиля, удивленная его внезапной страстью, немного поворочалась в кровати. В голове промелькнуло, что надо бы встать и сходить в душ. Но было жутко лень, утром рано вставать. Она откатилась подальше, на край кровати. Иван похрапывал, когда выпивал. К счастью, он делал это нечасто. Ощувив какую-то жуткую неприязнь к мужу, она зарылась в подушку, накрыла одеялом второе ухо и заснула. Это и было началом конца этого брака.

...

- Я сказал ей, что хочу развода.
- А она?
- Пожала плечами.

Они продолжали сидеть на той самой кухне, где все началось. Был выходной день. Солнце уже окончательно прогрело землю. Настя встала, чтоб подойти к плите, на которой что-то кипело, но Иван перехватил ее, подтянул к себе и прижался головой к ее животу. Она понимала, что ему нелегко сейчас, и мягко перебирала его длинные волосы. В дверях внезапно появился Мигель. Его большие черные детские глаза внимательно смотрели вперед. Он ана-

лизировал картину, представшую перед ним. Мальчику не хватало отца. Мама была грузная и медлительная. А папа, он помнил, был поджарый, как Иван, учил его играть в футбол и кататься на роликах до того, как бросил их. Мигель внезапно подошел и обнял их обоих. Мама почему-то заплакала, он не понимал почему. Они замерли на какое-то время в этой позе. Потом мальчик повернулся к Ивану и спросил:

– Дядя Вань, а ты ведь не бросишь нас?

Иван отрицательно покачал головой, оторвался от Насти, встал со стула, сгреб в охапку Мигеля и начал кидать его вверх. Мама так же неожиданно перестала плакать, все хохотали так громко, что разбудили трехлетнего Антонио, который испуганный прибежал на громкие звуки на кухню. Иван начал подбрасывать их обоих, пока Настя, грозя половником, их не выгнала в другую комнату. Но до этого она наклонилась к сыновьям и громко сказала:

– Дядя Ваня остается жить с нами.

Спустя несколько Иван выходил из дома Анастасии. Заявление на развод было подано. Выходные заканчивались. Ему надо было перевезти компьютер, кабели, кучу нужных в ближайшее время мелочей. Лиля на звонки не отвечала. Он написал ей сообщение, что заедет. И надо же... Выходя из подъезда, сразу же столкнулся с бывшей тещей. «Наверняка Лиля уже все ей рассказала», – подумал Иван в надежде, что она его не заметит, но та уже бежала к нему.

– Вань, а ты чего тут делаешь? Ты к нам? А где Лиля?

– Здравствуйте, Маргарита Ильинична... – Пока Иван выговаривал труднопроизносимое имя тещи, он понял, что та ничего не знает.

– Здравствуй, здравствуй, где жену-то потерял?

– Бывшую жену, – чуть слышно произнес он.

Чуткий слух мамы Лили уловил все до последнего звука, она заохала.

– Мы разводимся, разве Лиля вам не сказала?

– Да что ж творится-то, не могу я до нее дозвониться который день, уж хотела тебе звонить, а вот ты тут и есть, собственной персоной.

Иван начал волноваться сам.

– Я еду домой, мне надо перевезти кое-какие вещи.

Кажется, в голове у Маргариты Ильиничны начала вырисовываться какая-то картина, потому что она незамедлительно поинтересовалась:

– Куда перевозишь-то, неужто по соседству?

Иван не стал отвечать и пошел заводить машину.

– Я как доеду, вас сразу наберу, – напоследок сказал Иван.

Маргарита Ильинична кивнула. Отъезжая, он увидел, что сухонькая фигурка бывшей тещи недвижимо стоит и смотрит на его машину. Она зябко поежилась, достала телефон и еще раз набрала номер Лили. Аппарат абонента был выключен или вне зоны доступа сети. Машина Ивана наконец скрылась за поворотом, они перестали друг друга видеть, и женщина поспешила домой, на ходу доставая ключи из сумки, чтобы быстрее рассказать все мужу.

Иван мчался в свой бывший дом. После разговора с матерью жены он заволновался. Лиля довольно безответственно относилась к родным. Могла пропасть надолго, забыть поздравить с праздником и даже просто не включать телефон, особенно если работы было много. Но сейчас – не сказать маме, что они расходятся? Ни звонка, ни жалобы. На нее в последнее время и так много свалилось. Сначала этот Коля ее со своей аварией. «Вообще, какого хрена она бегает постоянно к нему в больницу?» – он вдруг притормозил и одернул самого себя. Вечер был теплым и темным. Луна только-только начала убывать. Иван доехал до дома. Припарковавшись, он еще раз решительно набрал Лилю. Номер был недоступен.

...

Настя не без удовольствия раскладывала вещи Ивана на выделенной ему половине ее шкафа. На самом деле эта половина пустовала уже два года. Женщина так и не отважилась занять так необходимые ей пустые полки. Она уже попрощалась с Альберто. Но, несмотря ни на что, где-то в глубине души ей его очень не хватало. Она знала, что старший сын каждый раз, слыша звонок в дверь, думает, что это пришел папа. Так похожий на него Мигель несся быстрее пули к двери, яростно дергал за ручку, в одну секунду открывал два замка, и Настя видела, как надежда, горящая ярким пламенем в иссиня-черных глазах ребенка, блекнет и исчезает, как кусочек бумажки, брошенный в раскаленную печь. И в очередной раз это оказывался не его отец. Альберто оставил их, когда Мигелю было уже пять лет, а младшему – Антонио, всего полгода.

С будущим мужем Настя познакомилась еще в студенческие годы на вечеринке. Родители Альберто отправили его учиться в Москву. Где бы он ни появлялся, он сразу же становился магнитом для восторженных глаз девушек со всех уголков бывшего Советского Союза. А он тогда выбрал ее. Пышногрудая Настя Стомская с белой кожей, парой будто заблудившихся веснушек на курносом носу и длинными волосами, менявшими свой цвет в зависимости от времени года – летом она была солнечно-рыжей, а зимой холодно-каштановой, сразу поселилась в его пылающем сердце. Много лет они просто дружили. Он научил ее танцевать сальсу, пить ром с колой. Таскал ее с собой на вечеринки, часами болтал с ней, но дальше дело не шло. Никто не верил ей тогда, что они не спят вместе. Подружки пытались разузнать про интимные подробности ее кубинского любовника, и все заверения Насти, что они все это время остаются просто друзьями, вызывали недоумение и смешки. Она и сама не понимала, как так получалось. Ее тянуло к нему с огромной силой, да и его к ней тоже. Но они как-то ловко оба обходили это притяжение. Ловелас от природы, он перегулял с половиной девушек своего института. Подружки-однодневки летели на пламя его сердца, где потом он не мог сам найти их опаленных крылышек. И только одна Настя Стомская была той, к кому он не мог так долго прикоснуться.

Альберто чувствовал к своей подруге что-то иное, чем к остальным девушкам. Очень странно, но у пылкого кубинца даже в мыслях не было переспать с ней. Он восхищался ее формами, ее эксклюзивно-рязанской красотой. Она была для него эталоном женщины, а спал он с другими. Как и полагается друзьям, они делились своими секретиками друг с другом, обсуждали ревнивых подружек Альберто и неудачников-ухажеров Насти, смешные залысины которых вызывали задорный смех у них обоих. Пока на горизонте не появился некто по имени Павел. Этот персонаж, так ненадолго нарисовавшийся в Настиной жизни, и стал причиной больших перемен. Как-то, приехав к ней, как обычно, с бутылкой рома, Альберто, развалившись на родительском итальянском диване, начал рассказывать про крутую вечеринку, на которую он попал. Настя слушала вполуха. Она крутила в руках синюю «Нокиа», в то время телефон для молодых и продвинутых, и явно ждала. Звонка или СМС. Альберто насторожился:

– Кто-то должен позвонить? – Его неподражаемый кубинский акцент усиливался, когда он нервничал. Он занервничал, но Настя этого не заметила.

– О да, – она мечтательно закатила глаза, длинные ресницы дрогнули и затрепетали от волнения. – Я просто шла по улице, а он остановился меня подвезти, представляешь?

Альберто произвольно сжал стакан с ромом. Сегодня он пришел похвалиться своей новой пассией своей старой подруге, а вместо этого он видел ее явную заинтересованность, даже скорее влюбленность в какого-то проходимца.

– Мы встретились в тот же вечер, он живет не так далеко, и сегодня он пригласил меня в кино. В кино, Альберто, – Настя прищелкнула языком, – на последний ряд. Знаешь, он по-настоящему мне нравится, у нас много общего, да и...

Она не успела договорить. Альберто налетел на нее, вырвал из рук телефон и начал ее страстно целовать. Она смеялась, но противиться жгучим поцелуям почему-то не смогла. Завалившийся за старый комод родителей телефон настойчиво повторял знакомую мелодию вызова, но Настя так и не ответила. В кино на последний ряд ее повел Альберто, а потом, боясь ее потерять, позвал замуж. Почему-то никто не был в шоке от этой новости, их привыкли видеть вместе. Родители Насти съехали, купив новую квартиру, а молодожены начали обустраиваться в старом, но большом и уютном гнездышке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.